

Для цитирования: Каюков В. В., Шихвердиев А. П. Институциональная характеристика экономической безопасности региона // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 4. — С. 1181-1193

doi 10.17059/2018-4-10

УДК 005.342:330.322

В. В. Каюков ^{а)}, А. П. Шихвердиев ^{б)}

^{а)} Ухтинский государственный технический университет (Ухта, Российская Федерация)

^{б)} Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация; e-mail: shikverdiev@yandex.ru)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА ¹

В статье обосновывается необходимость использования новых подходов к характеристике экономической безопасности региона, к числу которых относится институциональная теория. Аргументировано значение экономической безопасности в преодолении несовершенства регионального управления и формировании новой парадигмы, учитывающей совокупность различных теорий, отличающихся друг от друга по методологическим признакам — содержательному, функциональному, аксиологическому. Показано, что в современной теории социально-экономического развития все большее внимание привлекают вопрос экономической безопасности региона и его институциональное объяснение. Цель статьи — исследование экономической безопасности региона с учетом институциональных факторов, позволяющих раскрыть те внутренние причины, которые определяют характер данного явления и изучение которых с помощью традиционной экономической теории остается менее доступным. Гипотеза исследования предполагает, что использование данного метода изучения экономической безопасности повышает результативность научного анализа и позволяет идентифицировать регион как сложное явление, где универсальные нормы рыночного поведения могут рассматриваться как частные случаи экономики. В этой связи авторы внесли вклад в концепцию экономической безопасности региона, рассматриваемого с учетом использования французской «теории соглашений». Ее применение позволяет по-новому сформулировать концепцию взаимодействия региональных органов управления с многообразным в институциональном смысле объектом регулирования. Это особенно характерно для решения проблемы экономической безопасности северных регионов, где вопрос рыночного поведения актуализируется в более острой и болезненной форме. Результаты настоящего исследования могут быть использованы в качестве ориентира в модернизации регионального управления.

Ключевые слова: институциональные подходы, экономическая безопасность региона, аксиологический признак безопасности, «теория соглашений», рыночная и индустриальная подсистемы, ценовой индикатор, стандарты, традиции, диалектика прошлого и настоящего, экономика региона, модернизация

Введение

В современной теории экономического и социального развития регионов большое внимание обращается на анализ концепций, направленных на поиск инновационных подходов для их экономического роста и выбора средств в обеспечении экономической безопасности.

Исследование основывается на особенностях изучаемого объекта, характерных для переходных экономик от административно-плановой системы управления к рыночной. Многие авторы отмечают, что «тема экономической безопасности и теневой экономики имеет специфический срез под углом зрения системной трансформации российской эко-

номики» [1, с. 8]. В большинстве постсоциалистических стран либеральные преобразования происходили в стремительном темпе, что оказало влияние на появление системного кризиса, охватившего все уровни управления и связанные с ним элементы. Западный аналитик Джозеф Стиглиц по этому поводу заметил, что претворение либерального проекта реформирования российской экономики явилось причиной ее деградации [2, с. 23].

Для регионов системный кризис оказался наиболее пагубным: его последствия принимали различные формы: оппортунизм участников финансовых и валютно-кредитных отношений, снижение активности в реальном секторе экономики, дестабилизация и ослабление безопасности их социально-экономических систем.

¹ © Каюков В. В., Шихвердиев А. П. Текст. 2018.

Состояние экономической динамики регионов свидетельствует о том, что теоретические выводы по поводу становления новых механизмов не всегда соответствуют специфике национальных хозяйственных отношений и имеют значительные ограничения в контексте их применения и создания условий для экономической безопасности.

Появилась необходимость использования такой модернизационной модели, которая учитывала бы возникающие противоречия в системе управления всех уровней и предусматривала на основе институциональных подходов создание условий для развития экономических и социальных систем региона. Нам представляется, что в качестве такой модели может служить механизм управления, базирующийся на теории экономической безопасности региона и учитывающий его институциональные особенности и подходы. В этом смысле проблема становится тем более актуальной в связи с постоянным усложнением частных явлений и их синтезом в общие.

Институциональный характер данной логической взаимообусловленности представлен схемой «место — человек — семья — домашнее хозяйство — коллективное (общественное) хозяйство — предприятие — предпринимательство — культура — общность людей» [3, с. 45]. Исследование процессов с учетом многочисленного характера участников дает возможность преодоления «клипового» подхода к объекту и учесть принцип системного анализа.

В настоящее время экономическая и социальная природа, сущность и источники возникновения отрицательных явлений на уровне региона раскрыты недостаточно. В.Н. Лаженцев об этом писал еще в 90-е гг., отмечая, что «региональные правительства основное внимание уделяют защите своего суверенитета, подражая центру в использовании макроэкономических регуляторов без должного учета специфики общественного воспроизводства на региональном уровне» [4, с. 3].

Становление теории экономической безопасности и ее институциональной интерпретации

Несмотря на активное обращение в научной литературе к теории экономической безопасности и наличие значительного объема исследований, некоторые аспекты данной проблемы все же остаются недостаточно рассмотренными. К ним следует отнести толкование экономической безопасности и ее соответствующую идентификацию, определение ме-

ста данного явления в системе экономических отношений вообще и региональных, в частности, определение значения институционального фактора в классификационной систематизации национальной экономики и его влияния на формирование региональной модели управления.

Получение нового знания в этой области экономической науки не представляется возможным без теоретического и методологического толкования указанных моментов рассматриваемой проблемы, их осмысления и использования в дальнейшей практической деятельности.

Что касается степени научной разработанности проблемы, то те или иные ее аспекты разрабатывались С. Афонцевым, А. Аузаном, А. Бузгалиным, Г. Вечкановым, А. Виноградовой, А. Гранбергом, С. Глазьевым, Е. Кормишкиным, А. Куклиным, Н. Максимовым, А. Олейником, Л. Полищуком, В. Рязановым, В. Сенчаговым, А. Татаркиным, Т. Феофиловой, Л. Болтянски, Р. Коузом, Д. Нортон, Л. Тевено, О. Фаворо, Ф. Эмар-Дюверне и др.

В качестве научной гипотезы или предположения, вытекающего из анализа проблемы экономической безопасности, забегая вперед, добавим, что модель управления экономической безопасностью региона станет эффективной, если будут соблюдены следующие методологические требования:

- выявлены и осмыслены те институциональные причины (подводные камни), которые тормозят создание условий для нормального развития региональной экономики и которым следует противопоставить контрмеры, то есть противодействовать им;

- установлен перечень нормативов и требований экономической безопасности региона;

- оптимально вписаны «в профиль» регионального менеджмента и благополучно функционируют элементы управления экономической безопасностью, учитывающие использование институциональных характеристик и подходов.

К настоящему времени сформулировано множество определений экономической безопасности, которые отличаются друг от друга по различным методологическим признакам: содержательному, функциональному, аксиологическому и др., что с научной точки зрения вполне справедливо. Многообразие позиций объективно задано неодинаковыми задачами, которые стоят перед исследователями в ходе их решения, — фундаментального или прикладного, научного

или эмпирического, предметного или междисциплинарного.

В числе первых попыток определить понятие «экономическая безопасность» была сделана С. Афонцевым [5, с. 41], который пошел по пути группировки ключевых признаков данного определения; в этой группировке он рассматривает интересы, которые необходимо защищать, устойчивость развития социально-экономической системы, которую необходимо сохранять, и независимость национальной экономики от влияния извне, которую необходимо обеспечивать.

Представители второго подхода, которого придерживается Е.Д. Кормишкин [6, с. 39–40], более широко толкуют понятие «экономическая безопасность». Комментируя данный вопрос, он приводит три группы подходов к его решению. Первая группа (Л. Абалкин, С. Глазьев, В. Медведев) отмечает экономическую безопасность как совокупность условий, защищающих национальную экономику страны от всякого рода угроз и обеспечивающих устойчивое бескризисное ее развитие.

Вторая группа (Г. Гутман, А. Пороховский, В. Сенчагов, А. Татаркин) считает экономическую безопасность состоянием национальной экономики, которое позволяет защищать ее жизненно важные интересы.

Третья группа (А. Архипов, А. Городецкий, Б. Михайлов) рассматривает экономическую безопасность как эффективную деятельность государства, когда развитие экономики на достаточном для этого уровне само должно обеспечивать безопасность.

Что касается первого подхода в характеристике экономической безопасности, отмеченного С. Афонцевым, то нам представляется уместным отметить в нем некоторые противоречия как семантического, так и системно-философского свойства. В их числе формулировка экономической безопасности как защищенности интересов от угроз. Во-первых, подобное словосочетание вызывает сомнение с точки зрения тавтологичности понятий «опасность» и «угроза», которые имеют похожий смысл. Во-вторых, использование в определении конструкции «защита интересов» также является неправомерным, если вдуматься в смысл понятия «интерес» — побудительный мотив, потребность в чем-либо (или желание потребить благо, которое в воспроизводственном процессе предшествует собственно потреблению и, таким образом, еще не связано с благом). Поэтому ставить вопрос о защите несостоявшегося события, на

наш взгляд, можно только лишь в потенциальном значении, а не в состоявшемся. Но тогда и смысл понятия «экономическая безопасность» становится расширительным и менее конкретным.

Кроме того, положение об устойчивом развитии социально-экономической системы, приведенное в определении экономической безопасности, также не совсем безупречно. Реальное развитие экономики сопряжено с постоянной диалектикой изменчивости и устойчивости, кризисами и подъемами, которые объективно выступают в качестве движущей силы экономического прогресса. Поэтому использование сослагательного наклонения в характеристике отдельных фаз цикла, которые носят объективный характер, весьма условно, поскольку на сущностном уровне толкования даже сама по себе фаза «кризиса» может рассматриваться и в позитивном ключе как стартовый источник (драйвер) для прогресса.

Речь идет о том, что данная фаза является естественной в циклическом развитии, и ее надо воспринимать такой, какая она есть, но при этом брать на вооружение соответствующий институционально антикризисный механизм управления.

В этой связи задача «экономической безопасности» может идентифицироваться не столько с созданием условий для устойчивого развития, сколько с защитой от угроз (использованием соответствующих механизмов), связанных с циклической закономерностью самого развития. Поэтому, чтобы снять тавтологию и логическое несоответствие, в каждом конкретном случае требуются ценностно ориентированные координаты в определении экономической безопасности, то есть использование аксиологического подхода.

А.И. Поздняков назвал аксиологическим (ценностным) такой подход, где национальная экономическая безопасность формулируется как защищенность национальных ценностей, национального достояния от возможностей нанесения значимого ущерба [7, с. 46]. Тогда модель системы принимает вид: «ценность — ущерб — безопасность».

Ценность с точки зрения общественной науки служит важным регулятором поведения участников рынка и представляет собой смысл (значимость) для субъекта определенных предметов или явлений действительности (благо, выгода, доход, потеря, затрата, расход). Она устанавливает существенные признаки в деятельности людей и служит побудительной причиной их поведения. Она может быть

материальной и духовной. Любой ценности можно противопоставить антиценность: «доход — убыток», «работа — паразитирование», «сотрудничество — оппортунизм», «альтруизм — эгоизм» и т. д.

Ущерб, в свою очередь, означает потерю, убыток, урон, вред, то есть негативное изменение состояния экономического процесса или явления, которые в представленной модели выражаются в определенной ценности. Ущерб — основное понятие аксиологической теории экономической безопасности. Он может быть нанесен не только в материальном плане, но и в морально-этическом, что для стран с переходной экономикой нередко выражается в больших потерях ценностей в виде оппортунизма и девальвации нравственных норм поведения в системе хозяйственных отношений.

С точки зрения институционального подхода морально-этическая сторона убытка может проявляться в отсутствии порядка при заключении контрактов, поиске контрагентов, наличии информационной асимметрии между участниками трансакций, что существенно повышает величину трансакционных издержек и создает основу для использования должностными лицами своего авторитета, связей, возможностей и полномочий в целях личной выгоды.

Сентябрьский скандал 2015 г. в Республике Коми, когда за нарушение законов в сфере оборота объектов недвижимости были арестованы почти два десятка ключевых фигур правительства во главе с его руководителем, является наглядным примером получения личной выгоды должностными лицами в ущерб не только национальному и республиканскому достоянию в материальном измерении, но и морально-психологическому состоянию населения, или, как писал В. Зомбарт, хозяйственному духу общества [8, с. 272].

Отметим, что ущерб материально-техническому и морально-этическому потенциалу может быть нанесен в результате следующих причин:

- внешних воздействий различных противников, конкурентов и представителей оппортунистических направлений других государств;
- ошибок в экономической политике внутри страны, допущенных вследствие трудностей объективного и субъективного свойства [9, с. 62];
- природных катаклизмов, аварий, выхода из строя оборудования и техники повышенной (техногенной) опасности и др.

Экономическая безопасность, в первую очередь, сопряжена с необходимостью уменьшения потенциального ущерба путем использования различных мер профилактического свойства, а также путем недопущения противозаконных посягательств и минимизации упущенной возможности как следствия недобросовестного оппортунистического поведения.

Опираясь на изложенное, отметим, что экономическую безопасность правомерно определить, как защищенность национальных ценностей от какого-либо ущерба. Именно этот признак выделяется в определении экономической безопасности в ст. 7, п. 1 Указа Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, где отмечается, что экономическая безопасность — «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»¹.

Поскольку защищенность ценностей не может быть в реальной действительности абсолютной, то правильнее говорить о пороге ущерба, ниже которого наступает такой уровень опасности, который выражает критическое (кризисное) значение нанесенного вреда или несчастья. Эта проблема решается по-разному: путем защиты от угроз в юридической сфере (социальные потрясения в виде забастовок, демонстраций, наркомании и др.), защиты от экономических правонарушений, террористических акций. Некоторые авторы предлагают использовать идею циклической градации, основанной на принципе учета экономического пространства региона, которая для развития теории экономической безопасности является, безусловно, позитивным шагом [10, с. 1241].

Что касается предлагаемой нами институциональной интерпретации экономической безопасности, то прежде чем говорить о толковании данного предмета с этой точки зрения, следует обратить внимание на содержание и сущность самого понятия «институциональная экономика» и причины ее появления, связанные с ограничениями традиционной экономики.

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 13.05. 2017 г. № 208 [Электронный ресурс]. URL: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс», URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629 (дата обращения: 20.04.2018).

В этой связи, Г. Саймон отмечает, что по мере экспансии экономической теории за пределы ее ключевой сферы интересов — теории цены, имеющей дело с количествами товаров и денег, — в ней можно наблюдать определенные изменения. Происходит сдвиг от сугубо количественного анализа, где центральная роль отводится уравниванию предельных величин в направлении более качественного институционального анализа, где сопоставляются дискретные альтернативные структуры [11, с. 24].

По мнению некоторых авторов, институционализм с точки зрения методологии появился под влиянием исторической школы Германии и является продолжением ее мейнстрима. Так, В. Леонтьев отмечает, что видные исследователи американской мысли Т. Веблен и У. Митчелл «в своей критике количественных аналитических методов в экономической науке продолжили общую линию немецкой исторической школы. Частично это можно объяснить тем обстоятельством, что на рубеже веков влияние немецкой школы в США было столь же велико, а возможно, и более значительно, чем влияние английской» [12, с. 71].

Анализируя вопрос количества и качества, нельзя акцентировать внимание преимущественно на одной стороне методологии — количественной. Тогда она превращается, по мнению Р. Коуза, в «теорию классной доски». Так, например, он пишет, что политика ценообразования по предельным издержкам большей частью бессмысленна и что ее появление связано с достижениями тех, кто использует отдаленный от реалий методологический инструментарий [13, с. 23–24].

Другие экономисты также указывают на ограниченность микроэкономической неоклассической теории, основанной на логике выбора и не использующей юриспруденцию, политологию и социологию. Следствием такого игнорирования данных областей знания и отторжения их от предмета экономической науки стало положение, при котором субъекты, чьи решения, казалось бы, изучает неоклассика, не попали в предмет исследований. В результате она лишилась всякого содержания.

Как сказал Слейтер, фирма для экономиста «предстает как кривая спроса и кривая предложения, а вся теория сводится к логике оптимального выбора цены и комбинации затрат» [14].

Похожие идеи, но несколько в другой литературной форме получают дальнейшее развитие: «Если созданные экономистами теории

(по крайней мере, микроэкономические) представляют собой по большей части определенный подход к изучению факторов, от которых зависит выбор (а я думаю, — пишет Кагель, — что так оно и есть), совершенно ясно, что они могут быть использованы для анализа выбора в других областях, в том числе в юриспруденции и в политике. В этом смысле у экономистов нет собственного предмета исследования» [15].

Эти высказывания означают, что институциональная характеристика какого-либо объекта предполагает использование таких принципов, которые связаны с идеями изучения всех факторов взаимодействия людей по поводу данного объекта: социальных, политических, исторических, материальных и духовных. В этой связи В. Зомбарт отмечает: «Хозяйственный дух — это совокупность душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйствование. Это все проявления интеллекта, все черты характера, открывающиеся в хозяйственных стремлениях, но это также и все задачи, все суждения о ценности, которыми определяется и управляется поведение хозяйствующего человека» [8, с. 272].

Институциональная подоплека экономической безопасности

Действительной причиной использования институционализма в экономической безопасности является определенное отношение данного направления к вопросу положения государства в системе управления. Обычно до появления институционализма данное положение определялось с помощью традиционной неоклассической экономической науки, где ведущим звеном Имре Лакатос называет «жесткое ядро» и «защитный пояс» неоклассического подхода [16, с. 89].

При этом Лакатос к «жесткому ядру» относит следующие допущения:

- принцип методологического индивидуализма;
- метод оптимизационного подхода, когда поведение сводится к максимизации выгоды и минимизации затрат;
- транзитивность предпочтений и их устойчивость;
- равновесие, выступающее в качестве основного условия функционирования экономики.

К «защитному поясу» при неоклассическом изучении экономических явлений, в свою очередь, он относит допущения:

- о принципе полной рациональности;

— о принципе отношений, исключаящих элементы экономического оппортунизма и информационной асимметрии;

— о принципе безупречности рыночного механизма, который является единственным средством регулирования экономики, исключаящим трансакционные издержки;

— о принципе наличия полной специфицируемости прав собственности.

Таким образом, неоклассическая экономическая теория руководствуется значительным числом допущений, которые уводят ее от многообразия реальных процессов и ограничивают возможность полноценного исследования [17, с. 32].

Данное ограничение обуславливает необходимость использования более совершенных методологических подходов, предоставляемых институционализмом. В этой связи для совершенствования модели управления экономической безопасностью региона перспективной, как нам представляется, является «теория соглашений», предлагаемая французскими институционалистами Л. Тевено, О. Фаворо, Ф. Эмар-Дюверне [18, с. 69].

Данная теория является интересной с точки зрения классификации отношений, складывающихся в национальной экономике. Особенность французского нового институционализма заключается в том, что рыночная система рассматривается не как самостоятельный объект, а как подсистема национальной экономики. При этом рыночная подсистема рассматривается на фоне всего многообразия самостоятельных и специфических «институциональных подсистем», которые требуют соответствующих способов организации взаимоотношений между людьми — «соглашений» — и подчинения установленным правилам поведения — «нормам».

При этом под нормой подразумевается зафиксированный порядок поведения, обязательный для выполнения всеми участниками отношений. Тогда как соглашения представляют собой установленные рамки взаимоотношений по поводу определенного предмета формируемых экономических связей между контрагентами. Данное обстоятельство, на наш взгляд, вносит существенное организационное дополнение в систему импровизированных и самонастраивающихся рыночных отношений.

Это дополнение, прежде всего, касается появления новых элементов в рыночной системе, которые ставят ее в зависимость от регулирующего начала, степень централизации которого

определяется характером предмета устанавливаемого соглашения [19, с. 16].

В теории соглашений представители нового французского институционализма предлагают следующую классификацию системы экономических отношений: рыночная подсистема, индустриальная подсистема, традиционная подсистема, гражданская подсистема, подсистема общественного мнения, подсистема творческой деятельности и экологическая подсистема.

Рыночная подсистема, по их мнению, включает все те положения, которые рассматриваются в неоклассической экономической теории. Главным объектом изучения здесь выступает товар, который обменивается между участниками рыночной подсистемы отношений в процессе купли-продажи. Поведение участников признается рациональным. Координация деятельности, осуществляемая с помощью ценового механизма, создает необходимые условия для равновесия. Таким образом, в данной подсистеме роль главного индикатора развития товарных отношений выполняет цена.

Цена обуславливает формирование мотивационных институтов, которые выступают в качестве внутреннего механизма рационального поведения и выполнения общепризнанных норм.

Индустриальная подсистема, по мнению авторов «теории соглашений», состоит из промышленных предприятий. Они отмечают, что рынок никогда не является местом производства, равно как и производство не имеет никакого отношения к рынку. Данное положение ими выделяется в качестве ключевого в «теории соглашений».

В этой связи вполне справедливым является их замечание относительно главного инструмента регулирования взаимоотношений между участниками, которым они считают стандартизированную продукцию. При этом основным носителем информации в этих взаимоотношениях уже выступает не цена, а технические стандарты.

Данное положение особенно важно в том смысле, что координация деятельности в индустриальной подсистеме осуществляется не через ценовой механизм, а через технические стандарты, идентифицирующие участников как взаимосвязанных субъектов производственного процесса, подчиняющихся правилам функциональности и согласованности действий, требующих использования априорного начала в виде контракта взаимосвязей и сертификации технических параметров,

обусловленных правилами экономики общественного, или «клубного», то есть смешанного сектора экономики. Неслучайно авторы «теории соглашений» назвали индустриальный мир материальной основой общественного, а не рыночного производства.

Добавим, что игнорирование специфики отношений в индустриальной подсистеме при решении вопроса выбора модели регулирования национальной экономики может привести к несоответствию данной модели содержанию управляемого объекта. При этом несоответствие может произойти как с точки зрения злоупотребления в использовании рыночно-стоимостных инструментов, так и с точки зрения чрезмерного применения административно-плановых подходов [20, с. 81].

Ирония судьбы состоит в том, что и в первом и во втором случае отсутствует компромисс моделей, учитывающий противоречивость управляемого объекта и необходимость их конвергенции: наличие регулирующего центра обусловлено техническими особенностями индустриальной подсистемы, свобода выбора, независимость и высокая роль саморегулирования рыночных отношений — спецификой отношений в обмене.

Следующей с точки зрения новой французской институциональной экономической теории, представленной в «теории соглашений», служит традиционная подсистема. Она оперирует такими понятиями, как традиции и их воспроизводство, личная репутация, деление на своих и чужих. К традиционной подсистеме относятся не только чисто экономические, но и внеэкономические отношения, связанные с криминальными группами, клановым подходом, мафией, оппортунизмом [21, с. 139]. Эта особенность имеет историческую, религиозную, национальную и региональную специфику, которая не может не учитываться при выборе управляемой модели и, в частности, степени присутствия в ней этатистского начала, утверждающего необходимость подчинения интересов участников экономических отношений интересам государства и его ведущей роли в политико-экономической жизни общества.

Что касается гражданской подсистемы, то в теории экономики соглашений к этой подсистеме относятся такие экономические отношения, которые базируются на принципе подчинения частных интересов общим. Другая подсистема связана со специфической сферой общественного мнения. Согласно подходу французских институционалистов, к ней от-

носится такой порядок отношений, который строится на основе суждения наиболее известных и популярных индивидов, пользующихся наибольшим авторитетом и привлекающих всеобщее внимание (например, финансовые рынки).

К подсистеме творческой деятельности относятся отношения, которые связаны со стремлением выхода в своей деятельности на неповторимый результат, являющийся уникальным: наука, искусство, нетрадиционные подходы в любом виде деятельности.

И, наконец, экологическая подсистема, которая входит в состав элементов, составляющих классификационный список современной национальной экономики в контексте новой французской институциональной экономической теории. Эта сфера действительно имеет уникальное специфическое положение с точки зрения теории «провалов рынка», связанных с внешними эффектами и внешними издержками и особого отношения государства к их регулированию.

В частности, Джеймс Бьюкенен и Гордон Таллок экологическую подсистему сформулировали как специфическую с точки зрения отношения к ней индивида. Они пишут: «В мире редкости одновременное использование естественной окружающей среды приводит к тому, что для каждого индивида условия его обмена с собственной средой ухудшаются по сравнению с условиями изоляции, в которых он самостоятельно противостоит окружающей среде. В действительности естественная среда становится „общей собственностью“, и возникают известные отношения, связанные с взаимными экстерналиями» [22, с. 130].

Специфика экологической подсистемы, в первую очередь, касается экономической безопасности тех регионов, на территории которых находятся производства с повышенными экологическими рисками: нефтегазовый комплекс, металлургические и лесозаготовительные производства, лесопромышленные комплексы, добыча бокситовой руды и т. п.

Вышеизложенные характеристики разных подсистем в теории соглашений свидетельствуют о том, что управляемый объект является сложным и многоаспектным организмом, в котором рациональное поведение и направленное движение к рыночному равновесию справедливо толкуются новыми французскими институционалистами как «частные случаи», которые так или иначе выделяются в общей системе на фоне других и самых разнообразных «случаев».

Основные социально-экономические характеристики Республики Коми*

Показатель	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Валовой региональный продукт (в основных ценах), млрд руб.	59,5	171,3	353,9	435,9	479,1	482,3	480,9	491,4	546,9	—
Объем отгруженной промышленной продукции (виды деятельности С, D, E), млрд руб.	165,3	165,3	301,7	375,9	421,0	447,3	454,2	310,7	295	289
Объем инвестиций в основной капитал, млрд руб.	17,1	30,4	112,3	202,5	232,2	199,2	201,0	175,1	205,0	129,3
Стоимость основных фондов, млрд руб.	227,5	578,0	1245,5	1365,7	1717,2	1937,7	2387,8	„	—	—
Розничный товароборот, млрд руб.	19,3	68,3	110,5	126,6	137,9	146,9	157,9	158,9	145,9	150,2
Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел.	459,9	465,6	463,0	456,6	456,3	445,0	433,7	425,3	336	323,2
Численность безработных (в среднем за год), тыс. чел.	65,9	59,6	52,1	41,0	31,5	35,3	28,7	33,2	7,9	7,3
Численность населения (на конец года), тыс. чел.	1042,9	963,0	899,2	889,8	880,6	872,1	864,4	856,8	851	841
Реальные денежные доходы, в % к пред. году	117,2	107,4	103,2	97,7	106,1	100,4	96,7	93,0	91	94,8
Валовой региональный продукт на душу населения (в основных ценах), тыс. руб.	56,6	176,1	390,7	487,4	541,2	550,4	553,8	573,5	640,6	—
Профицит, дефицит (–) консолидированного бюджета, млн руб.	149	974	987	–1255	–1935	–12428	–10914	–8665	6238,8	2805

* Рассчитано по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми [Электронный ресурс]. URL: <http://komi.gks.ru/> (дата обращения: 10.04.2018).

Данный фон нельзя не замечать и обходить вниманием, тем более игнорировать. Он многолик и его развитие сопряжено с противоречивым порядком взаимодействия различных институтов, когда каждый участник хозяйственных отношений в одно и то же время действует в нескольких сферах. В частности, когда предприятие осуществляет сбыт продукции или покупку ресурсов по линии снабжения, оно функционирует в «рыночном мире», когда занимается организацией производства и определением технико-технологических параметров создания продуктов, оно функционирует в «индустриальном мире».

И когда возникает необходимость стыковки различных миров, следует принимать во внимание то обстоятельство, что стыковка (или заключение соглашений) может осуществляться с учетом законов функционирования специфических подсистем. Таким образом, теория соглашений при выборе модели регионального управления экономической безопасностью обуславливает объективную необходимость учета специфических особенностей институтов региона.

Неслучайно президент Татарстана Р. Минниханов на Гайдаровском форуме — 2018 об-

ратился с просьбой не трогать налоговую систему республики в течении пяти лет, чтобы более точно идентифицировать межбюджетные отношения¹.

Речь идет о том, что экономика регионов, из совокупности которых состоит национальная экономика, основана на рациональном числе разновидностей институциональных нюансов, предусматривающих приведение объектов управления к однотипности с помощью метода стандартизации и дальнейшей унификации. В свою очередь, общенациональная экономическая политика в качестве ключевой институциональной задачи предполагает использование идеи сокращения различий и выравнивания уровней социально-экономического развития регионов. Без использования этой идеи подрываются основы экономической безопасности государства и регионов, становятся иррациональными действия по оптимальному размещению населения и сбалансированного развития рынка труда.

¹ Гарифуллин Р. Татарстан. Не трогать пять лет [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/blog/garifullin/2131000-echo> (дата обращения: 13.04.2018).

Эволюция и особенности производственной структуры Республики Коми

История социально-экономического развития Республики Коми связана с необходимостью привлечения и использования топливно-энергетических и лесных ресурсов для нужд народного хозяйства. Пик экономического «ренессанса» приходится на 1930-е гг. И в настоящее время ее экономика представляет собой достаточно сложный хозяйственный механизм, характеризующийся многоуровневой системой связей между субъектами различных форм собственности, федеральными, региональными и муниципальными органами власти.

Радикальное реформирование национальной экономики создало в республике множество проблем в системе производственных отношений и привело к смене приоритетов в распределительных отношениях и, в частности, к оценке характера территориального развития: вместо продолжения стремления в поддержке сложившейся хозяйственной направленности в региональном развитии и сохранении его специализации, на первый план выдвинут проект удовлетворения потребностей путем использования рыночных механизмов.

Показатели, отражающие состояние экономики Республики Коми в период либерально-демократических реформ, приведены в таблице.

Анализируя данные таблицы, отметим, что за полтора десятилетия произошло много изменений, касающихся как роста цен на все виды продукции, так и институционального фона региона. Речь идет о том, что вслед за трансформацией структуры региональной экономики, связанной с видами деятельности *C, D, E* и, в частности, касающейся уменьшения доли обрабатывающих производств (с 42 % в 2005 г. до 33 % в 2017 г.) и увеличения добывающих (с 47 % в 2005 г. до 51 % в 2017), произошло изменение институционального состояния региона.

Так, например, в рассматриваемом периоде наблюдается снижение численности населения на 186,1 тыс. чел., что составляет 17,8 %, снижение реальных денежных доходов, увеличение дефицита консолидированного бюджета до 8,7 млрд руб. в 2015 г. (2 % к валовому региональному продукту и 12,9 % к доходам бюджета).

За период 2000–2017 гг. индекс производства промышленной продукции имеет устойчивый рост. При этом доля добычи полезных

ископаемых (вид деятельности *C*) возросла на 11 п. п., тогда как доля обрабатывающих производств уменьшилась на эту же величину (вид деятельности *D*). Что касается производства и распределения электроэнергии, газа и воды (вид деятельности *E*), то оно сократилось на 1 п. п.

Следует отметить, что самый высокотехнологичный вид деятельности, представленный обрабатывающим производством, не смог сохранить свою долю в общем объеме отгруженной промышленной продукции и отстал от значений сырьевых отраслей региона. Хотя и сырьевые отрасли в 90-е г. не демонстрировали серьезных достижений. Напротив, добыча нефти в Республике Коми за 1990–1995 г. снизилась на 48,1 % (с 15,8 млн т до 8,2 млн т), и лишь в последующие годы падение заменяется на умеренный рост, который составил в 1996–2000 г. 24,4 % (с 8,2 млн т до 10,2 млн т) [23, с. 18].

Данные цифры свидетельствуют о разной степени адаптации видов хозяйственной деятельности республики к трансформированной ситуации в экономике. Можно констатировать, что уровень добычи полезных ископаемых в регионе удовлетворяет, в общем, сегодняшние потребности национального и мирового рынка.

Проблематичнее обстоят дела в металлообрабатывающих и машиностроительных отраслях республики. Машиностроение в годы переходного периода практически прекратило свое существование в регионе. Особое беспокойство вызывает тот факт, что в числе закрытых предприятий оказались и те, которые были введены в эксплуатацию в последние перед перестройкой годы и играли большую роль в воспроизводстве материально-технического потенциала экономики и занятости населения. Это завод крупнопанельного домостроения в Ухте, завод «Ухтагазстроймаш», Ухтинский ремонтно-механический завод, механические заводы в Сыктывкаре, Емве, Воркуте, Сыктывкарский завод нетканых материалов, оборонный завод «Прогресс», Дежневский завод стройматериалов, завод глиняного кирпича, Княжпогостский завод древесноволокнистых плит и др. предприятия.

Нам представляется, что значительным шагом по восстановлению и дальнейшему развитию республики может стать новая парадигма управления, основанная на институциональной характеристике процессов регионального развития, в том числе касающихся экономической безопасности.

Заключение

Таким образом, проблема управления экономической безопасностью региона с учетом институциональной характеристики может быть определена как защита региона от всех угроз посредством реализации комплекса мер институционально-экономического порядка с целью становления и развития его материально-технического и хозяйственно-духовного потенциала.

В этой связи к основным методологическим задачам управления экономической безопасностью региона следует отнести:

- анализ состояния социально-экономического развития и выработку направлений деятельности по созданию условий для экономической безопасности региона с учетом институциональной характеристики;

- совершенствование деятельности органов управления в системе экономической безопасности региона;

- контроль за выполнением намеченных решений по созданию условий для экономической безопасности региона.

Решение перечисленных основных задач даст возможность устанавливать болевые точки в системе экономической безопасности региона, держать их под контролем с целью дальнейшего устранения и профилактики недопущения.

В принципе сам механизм организации управления экономической безопасностью региона реально существует и в определенной степени функционирует на практике [24, с. 156]. В этом механизме выделены основные показатели экономической безопасности региона: темпы экономического роста ВРП, состояние бюджета, вхождение «в профиль» национальной (мировой) экономики и степень зависимости от них, безработица, инфляция, качество жизни, удельный вес бедных, продолжительность жизни и т. п.

Эти показатели в традиционной неоклассической теории постоянно используются, находятся в поле зрения и дают основание для оценки существующего положения. Но, в то же время, является очевидным и то, что они в составе используемого механизма выполняют свою роль (по линии обратной связи с объектом управления) в качестве «пассивного» фиксатора, или «калькуляционного» средства определения состояния региона. Нам представляется их «калькуляционная» роль убедительной и необходимой в управлении экономической безопасностью региона как объекта управления.

Другое дело — категория «управления», выполняющая роль исполнительского звена по осуществлению намеченных мероприятий и достижению целевых установок. Это то звено в менеджменте, где проявляются противоречия между задуманным (на идеальном уровне) образом объекта управления и его реальным содержанием. При критическом различии между ними, несовпадении реального объекта с планируемым на практике идеальным уровнем оценки объекта не становится средством реализации задуманного в силу не полного раскрытия его содержания.

В нашем примере институциональная «теория соглашений» преодолевает эти противоречия путем использования иного методологического инструментария, связанного с критической оценкой «ядра» и «защитного пояса» неоклассики. Во-первых, «теория соглашений» рассматривает не столько институт формальных (юридических) норм, сколько соглашения, представленные неформальными нормами по установлению взаимоотношений между людьми в определенной сфере их деятельности. Это позволяет более точно зафиксировать характер взаимоотношений субъектов. Во-вторых, вместо универсальности норм рыночного поведения данная теория предлагает разнообразные формы поведения (множество соглашений), в которых ценовой фактор теряет способность саморегулятора и замещается институтами стандартов, традиций, общественного мнения, творчества, внешних экстерналий и т. п.

Данные проблемы достаточно справедливо поднимаются в монографии, изданной в 2017 г. под редакцией А.А. Куклина и В.П. Чичканова, где ставится вопрос о протестном потенциале региона как специфически институциональном факторе риска [25, с. 2].

Эти институты отражают специфические подсистемы, в которых универсальные нормы рыночного поведения могут быть использованы с большой оговоркой, то есть с учетом того положения, которое фактически связано с их применением на «стыке различных миров». Следовательно, управление экономической безопасностью региона в институциональном контексте предполагает изучение структуры региональной экономики с целью определения доли каждой подсистемы в ее составе.

После этого будет возможен более правильный выбор модернизационной модели управления экономической безопасностью региона, определяемого институциональной спецификой его характера. Речь идет о решении прин-

ципиальных вопросов: во-первых, в какой степени следует использовать универсальные нормы рыночного поведения и, во-вторых, в какой степени следует применять нормы, имеющие другое институциональное происхождение и которые представлены институтом «соглашений». Таким образом, использование универсальных норм рыночного поведения с

их рациональностью и равновесием, тотально внедряемых в хозяйственные системы, следует рассматривать только как частные случаи экономики. Сказанное обуславливает специфический характер экономической безопасности региона и необходимость использования в его управлении институциональных подходов.

Список источников

1. Богомолов В. А. Масштабы теневой экономики и экономическая безопасность РФ. — М. : МИИТ, 2010. — 323 с.
2. Stiglitz J. Globalization and its discontents. — Great Britain : Allen Lane The Penguin Press, 2000. — 300 p
3. Левинтов А. Е. От района к региону. На пути к хозяйственной географии // Вопросы методологии. — 1991. — № 3. — С. 45–52.
4. Лажнецов В. Н. Территориальное развитие. Методология и опыт регулирования. — СПб. : Наука, 1996. — 109 с.
5. Афонцев С. Дискуссионные проблемы концепции национальной экономической безопасности // Россия XXI века. — 2001. — № 2. — С. 38–67.
6. Кормишкин Е. Д. Методологические основы исследования экономической безопасности региона : дис. ... д-ра экон. наук. — М., 2003. — 299 с.
7. Поздняков А. И. Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности // Национальные интересы. Приоритеты и безопасность. — 2013. — № 21(210). — С. 46–54.
8. Sombart W. Der Bourgeois: Zur Geistesgeschichte des modernen Wirtschaftsmenschen. — Leipzig, Munchen : Duncker & Humblot, 1923. — 540 p.
9. Шелли Л. И. Коррупция в эпоху после Ельцина // Конституционное право. Восточноевропейское обозрение. — 2000. — № 2 (31). — С. 62–65.
10. Сигов В. И., Песоцкий А. А. Безопасность экономического пространства региона. Концептуальные основы и система показателей // Экономика региона. — 2017. — Т. 13. — № 4. — С. 1236–1250. — doi 10.17059/2017–4–21.
11. Simon H. A. . Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T. Ely Lecture // American Economic Review. — 1978. — V. 68. — № 2. — P. 1–16.
12. Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. — М. : Политиздат, 1990. — 415 с.
13. Coase R. H. The Firm, the Market, and the Law. — Chicago : University Of Chicago Press, 1990. — 217 p.
14. Penrose E. T. The Theory of the Growth of the Firm : 2nd ed. — New York : M. E. Sharpe, 1980. — 576 p. — P. 9.
15. Kagel J. H., Battalio R. C., Rachlin H., Green L. Demand Curves for Animal Consumers // Quarterly Journal of Economics. — 1981. — Vol. 96. — № 1. — P. 1–14.
16. Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes / Criticism and the growth of Knowledge / Ed. by I. Lakatos and A. Musgrave. — Cambridge : Cambridge University Press, 1970. — 292 p. — P. 91–195.
17. Расков Д. Е. Образ экономики в институционализме // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2010. — Вып. 3. — С. 32–41. — (5).
18. Тевено Л. Множественность способов координации. Равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. — 1997. — № 10. — С. 69–84.
19. Каюков В. В. Становление рынка инвестиционных товаров в России: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. — СПб., 1996. — 35 с.
20. Рисованный И. М., Каюков В. В. От фондирования — к рынку средств производства. — СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 1992. — 168с.
21. Олейник А. Н. Институциональная экономика. — М. : Инфра-М, 2010. — 416 с.
22. Vichanan J. M. The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. Gordon Tullock. — Liberty Fund, 1962. — 361 p.
23. Топливо-энергетический комплекс Европейского Северо-Востока. Методы исследования, эффективность, направления развития. — Екатеринбург : УрО РАН, 2002. — 323 с.
24. Михалева Е. П. Методический подход к оценке экономической безопасности региона // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2017. — № 1/8. — С. 156–160.
25. «Лукавые» данные и реальная динамика экономического развития субъектов РФ / под ред. А. А. Куклина, В. П. Чичканова. — Екатеринбург : УрО РАН, 2017. — 364 с.

Информация об авторах

Каюков Владимир Викторович — доктор экономических наук, профессор, Ухтинский государственный технический университет (Российская Федерация, 169300, Республика Коми, г. Ухта, ул. Первомайская, д. 13; e-mail: vkaukov@ugtu.net).

Шихвердиев Ариф Пирвелиевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Российская Федерация, 167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55; e-mail: shikhverdiev@yandex.ru).

For citation: Kayukov, V. V. & Shikhverdiev, A. P. (2018). Institutional Feature of Regional Economic Security *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 14(4), 1181-1193

V. V. Kayukov^{a)}, A. P. Shikhverdiev^{b)}

^{a)} Ukhta State Technical University (Ukhta, Russian Federation)

^{b)} Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation; e-mail: shikhverdiev@yandex.ru)

Institutional Feature of Regional Economic Security

The article substantiates the need to use new approaches in describing the regional economic security including the institutional theory. We argue the importance of economic security for overcoming governance imperfections. Moreover, it is significant to a new paradigm unifying various theories that differ from one another according to methodological features — substantive, functional and axiological ones. In the modern theory of socio-economic development, more attention has been paid to the regional economic security and its institutional explanation. The purpose of the article is to study the economic security of a region through the prism of institutional factors. These factors allow revealing internal features that determine the nature of regional economic security. However, studying these factors using traditional economic theory remains less accessible. The research hypothesis supposes that our method of studying the economic security increases the effectiveness of scientific analysis. Moreover, it allows to identify a region as a complex phenomenon where universal standards of market behaviour can be considered as the special cases of economy. In this regard, the research contributes to the concept of regional economic security. We consider a region using the French «theory of agreements». The application of the theory of conventions allows to re-formulate the concept of the interaction of regional government bodies with a multi-institutional object of regulation. This is a typical for addressing the issue of economic security of northern regions where the problem of market behaviour has more acute and painful form. The outcome of this work can be used as a guide for the modernization of regional governance.

Keywords: institutional approaches, economic security of a region, the axiological security sign, theory of conventions, market and industrial subsystems, price indicator, standards, traditions, dialectics of the past and present, regional economy, modernization

References

1. Bogomolov, V. A. (2010). *Masshtaby tenevoy ekonomiki i ekonomicheskaya bezopasnost RF [Scales of shadow economy and economic security of the Russian Federation]*. Moscow: MIIT Publ., 323. (In Russ.)
2. Stiglitz, J. (2000). *Globalization and its discontents*. Great Britain: Allen Lane The Penguin Press, 300.
3. Levintov, A. E. (1991). Ot rayona k regionu. Na puti k khozyaystvennoy geografii [From district to region: on the way to economic geography]. *Voprosy metodologii [Methodological issues]*, 3, 45–52. (In Russ.)
4. Lazhentsev, V. N. (1996). *Territorialnoye razvitie. Metodologiya i opyt regulirovaniya [Territorial development: methodology and regulatory experience]*. St. Petersburg: Nauka Publ., 109.
5. Afontsev, S. (2001). Diskussionnyye problemy kontseptsii natsionalnoy ekonomicheskoy bezopasnosti [Debatable problems of the concept of national economic security]. *Rossiya XXI veka [Russia of the XXI century]*, 2, 38–67. (In Russ.)
6. Kormishkin, E. D. (2003). *Metodologicheskie osnovy issledovaniya ekonomicheskoy bezopasnosti regiona: dis. ... d-ra ekon. nauk [Methodological basis of the study of economic security of the region: doctoral dissertation in Economics]*. Moscow, 299. (In Russ.)
7. Pozdnyakov, A. I. (2013). Sravnitelnyy analiz osnovnykh metodologicheskikh podkhodov k postroeniyu teorii natsionalnoy bezopasnosti [Comparative analysis of main methodological approaches to creation of theory of national security]. *Natsionalnyye interesy. Prioritety i bezopasnost [National Interests: Priorities and Security]*, 21(210), 46–54. (In Russ.)
8. Sombart, W. (1923). *Der Bourgeois: Zur Geistesgeschichte des modernen Wirtschaftsmenschen*. Leipzig, Munchen: Duncker & Humblot, 540.
9. Shelli, L. I. (2000). Korruptsiya v epokhu posle Eltsina [Corruption in the post-Yeltsin era]. *Konstitutsionnoye pravo: vostochnoevropeyskoye obozrenie [East European Constitutional Review]*, 2(31), 62–65. (In Russ.)
10. Sigov, V. I. & Pesotskiy, A. A. (2017). Bezopasnost ekonomicheskogo prostranstva regiona. Kontseptualnyye osnovy i sistema pokazateley [Security of Regional Economic Space: Conceptual Framework and System of Indicators]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 13(4), 1236–1250. doi 10.17059/2017–4–21. (In Russ.)
11. Herbert, A. Simon. (1978). Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T. Ely Lecture. *American Economic Review*, 68(2), 1–16.
12. Leontyev, V. (1990). *Ekonomicheskie esse. Teorii, issledovaniya, fakty i politika [Economic essay. Theory, research, facts and policies]*. Moscow: Politizdat Publ., 415. (In Russ.)
13. Coase Ronald, H. (1990). *The Firm, the Market, and the Law*. Chicago : University Of Chicago Press, 217.
14. Penrose, E. T. (1980). *The Theory of the Growth of the Firm*: 2nd ed. New York: M. E. Sharpe, 576; 9.
15. Kagel, J. N., Battalio, R. C., Rachlin, H. & Green, L. (1981). Demand Curves for Animal Consumers. *Quarterly Journal of Economics*, 96(1), 1–14.

16. Lakatos, I. (1970). Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. *Criticism and the growth of Knowledge*. In: I. Lakatos and A. Musgrave (Eds). Cambridge: Cambridge University Press, 292; 91–195.
17. Raskov, D. E. (2010). Obraz ekonomiki v institutsionalizme [An image of economics in institutionalism]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Vestnik of St. Petersburg State University i]*, 3, 32–41. (Series: Economics). (In Russ.)
18. Teveno, L. (1997). Mnozhestvennost sposobov koordinatsii: ravnovesie i ratsionalnost v slozhnom mire [Multiple ways of coordination: balance and rationality in a complex world]. *Voprosy ekonomiki [Russian Journal of Economics]*, 10, 69–84. (In Russ.)
19. Kayukov, V. V. (1996). *Stanovlenie rynka investitsionnykh tovarov v Rossii: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk [Formation of the market of investment goods in Russia: author's abstract for PhD in Economics]*. St. Petersburg, 35. (In Russ.)
20. Risovanny, I. M. & Kayukov, V. V. (1992). *Ot fondirovaniya — k rynku sredstv proizvodstva [From funding to the market of means of production]*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 168. (In Russ.)
21. Oleynik, A. N. (2010). *Institutsionalnaya ekonomika [Institutional Economics]*. Moscow: Infra-M Publ., 416. (In Russ.)
22. Buchanan James, M. (1962). *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Gordon Tullock. Liberty Fund, 361.
23. *Toplivno-energeticheskiy kompleks Evropeyskogo Severo-Vostoka. Metody issledovaniya, effektivnost, napravleniya razvitiya [Fuel and energy complex of the European North-East: research methods, efficiency, development directions]*. (2002). Ekaterinburg: UB RAS Publ., 323. (In Russ.)
24. Mikhaleva, E. P. (2017). Metodicheskiy podkhod k otsenke ekonomicheskoy bezopasnosti regiona []. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [], 1/8, 156–160. (In Russ.)
25. Kuklin, A. A. & Chichkanov, V. P. (2017). “Lukavye” dannyye i realnaya dinamika ekonomicheskogo razvitiya subektov RF [«Crafty» data and the real dynamics of economic development of the RF subjects]. Ekaterinburg: UB RAS, 364. (In Russ.)

Authors

Vladimir Viktorovich Kayukov — Doctor of Economics, Professor, Professor, Ukhta State Technical University (13, Pervomayskaya St., Ukhta, Komi Republic, 169300, Russian Federation; e-mail: vkaukov@ugtu.net).

Arif Pirvelievich Shikhverdiev — Doctor of Economics, Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Ave., Syktyvkar, Komi Republic, 167001, Russian Federation; e-mail: shikverdiev@yandex.ru).